

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

Ж. Р. Равио

Типы национализма, общество и политика в Татарстане

Электронный ресурс

URL: <http://www.civisbook.ru/files/File/1992-5-6-3-Ravio.pdf>

URL: <http://www.civisbook.ru>

ТИПЫ НАЦИОНАЛИЗМА, ОБЩЕСТВО И ПОЛИТИКА В ТАТАРСТАНЕ

Ж. -Р. Равио

От редакции. Статья Жана-Робера Равио (Национальный фонд политических исследований, Париж) знакомит читателя с весьма редкой, к сожалению, на страницах нашего журнала французской прикладной политологией — школой ученого с мировым именем Элен Каррер д'Анкосс. Представляющий эту школу молодой политолог в 1992 г. проводил свои исследования в Татарстане. Собранный "на поле" обширный материал он попытался осмыслить с помощью довольно интересного инструментария, в том числе понятия "высокая культура". Думается, пылкий взгляд наблюдателя "со стороны" может быть полезен российским политикам и специалистам, стремящимся понять неоднозначные роль и смысл "национального фактора" в событиях, развертывающихся на отечественных просторах.

Если бы Татарстан и Россия были капиталистическими странами, где главную роль играет экономика, вся националистическая и сепаратистская тенденция мало бы значила... Но в данном случае главную роль играют... амбиции и боязнь утратить свое кресло, а не конкретная экономическая ситуация... Каждый хочет сохранить свой псевдокоммунистический оплот.

Из выступления М. Сиразина, депутата ВС Татарстана, 12. 02. 1992

21 марта 1992 г. большинство избирателей Татарстана высказались в пользу конституирования суверенного государства, "субъекта международного права", который регулирует "отношения с Россией и другими республиками договорами, основанными на принципе равенства сторон" (61, 4% высказались "за", "против" — 37, 2%) (1, 23. III. 1992). Анализ официальных материалов вне контекста их разработки позволяет думать, что Татарстан осуществил переход от стадии безгосударственной нации к национальному государству (Etat-nation). Прочтение же более свежих документов дает возможность посмотреть на порыв к независимости под другим углом зрения и задаться вопросом о его реальных целях.

О какой независимости идет речь? О культурной автономии в системе Империи? О конституировании суверенного государства в западном смысле понятия — с собственными средствами обороны и валютой? Или же мы имеем дело с тактическим приемом, рассчитанным на увековечивание существующих на данной территории властных структур? Большинство западных аналитиков, занимающихся татарским национализмом, видят в нем двигатель (прямой или косвенный) "марша к независимости". Как представляется, различные национальные движения здесь самые активные политические силы. Многие специалисты пытаются исследовать проблему, ограничиваясь географическими либо этнокультурными факторами. Весьма редко татарский национализм не сравнивается с чеченским. Делаются и "пророческие" выводы о том, что происходящее в Татарстане связано со становлением "пан-исламистского" движения в пределах бывшего Советского Союза (2). Мы же будем анализировать события, касающиеся исключительно Татарстана и татар. В конце концов все комментаторы подчеркивают, что географическое положение этой республики предопределяет ее союз с Россией. Но нужно все-таки исследовать значение данного утверждения.

ТАТАРСКИЕ национальные движения, а затем законная политическая власть Республики Татарстан последовательно использовали национальную идею в своих политических дискурсах и программах. Следует определить, что понимается под национализмом. Мы согласны с Э. Геллнером, рассматривающим его как политический принцип, в соответствии с которым политическое единство и национальное единство должны совпадать, а каждой нации следует иметь собственную государственную структуру (3). Однако же этот принцип не универсален. Национальное государство — не историческая стадия, переживаемая каждым обществом. Этот феномен тесно связан с развитием определенного — так называемого индустриального — типа общества. Появившись, национализм выполнял конкретную функцию в процессе перехода от аграрного к указанному обществу, а затем в становлении последнего (4).

Анализ истории Татарстана и татарского народа может привести к мысли, что эпоха пригодности национализма для этого сообщества уже минула. Однако национализм является мобилизационным фактором для Татарстана и всех татар России. Следует ли отсюда, *ipso facto*, что современное татарское общество еще не стало индустриальным? Разумеется, нет. Но оно демонстрирует некоторые симптомы энтропии при применении к нему схемы индустриального социума. Постоянный экономический рост искусственно стимулировался в течение всего советского периода: в России не существует реальных и

естественных типов социальной или профессиональной мобильности, так что родовая всеобщность, обеспечивающая экзосоциализацию, обусловлена советской "высокой культурой". Последняя лишена всяких исторических этнокультурных корней. Тем не менее социологически современное татарское общество демонстрирует характеристики индустриального: оно сильно урбанизированно, а население на 4/5 занято во вторичном и третичном секторах деятельности. Значит, функция татарского национализма могла бы состоять в содействии переходу от индустриального общества неполного и волюнтаристского типа к реальному и легитимному его типу, помочь новому социальному сплочению в процессе такого перехода. Для этого надо определить природу татарского национализма. Но какую нацию можно выявить сегодня, зная, что более 5,5 млн. татар обитают вне "границ" Татарстана и лишь 1,5 млн. — в самой республике, в числе жителей которой — 1,3 млн. славян? Существует ли одна или несколько предполагаемых дефиниций татарской нации, а значит, и татарского национализма? Наконец, какова политическая функция устремлений к национальному единству?

ИСТОРИЯ И ГЕОГРАФИЯ ТАТАР И ТАТАРСТАНА

Этнография татар одновременно географически проста и исторически сложна. То, что можно ныне назвать татарским этносом, — результат смешения на конкретной территории нескольких оседлых или принимавших оседлость народов в эпоху великих переселений. Область слияния Волги и Камы — историческая территория данного этноса. В IV в. монгольское племя, названное "татарами", остановилось здесь и смешалось с автохтонными угро-финнами. Для нынешних татар их "культура" родилась в VIII в. с приходом азовских болгар (булгар). Они принесли новый язык тюркской группы, который резко потеснил местные наречия (5). В начале X в. регион был исламизирован посланцем багдадского калифа. В ходе монгольского вторжения (XIII в.) царство волжских болгар покорилась Золотая Орда. При ее разложении в XV в. Казанское ханство отделилось, восстановившись в границах древнего Болгарского царства. Болгары-татары, между тем, были обогащены монгольскими элементами; в равной мере русские охотно ассимилировали татар и монголов. Некоторые русские этнографы разрабатывают понятие "татаро-монгольского этноса", ветвь которого представлена волжскими татарами (6). В XV в. татары снова суверенны. После монгольского ига они интегрировали одновременно новый этнический компонент и новые политические структуры. Более глубокий исторический анализ показал бы степень и ритм ассимиляции их татарами. Но и без такого анализа можно констатировать постоянство территориального фактора в определении татарского общества и культуры. Их земля была скорее радушна, чем враждебна, к любым внешним проникновениям.

ПЕРВЫЕ миграции татар были обусловлены гонениями на всех мусульман России в XVIII в. Включенные *mapu militari* в состав Империи в 1552 г., татары свободно продолжали говорить на своем языке и исповедовать ислам вплоть до 1740 г., когда за три года были разрушены 516 мечетей Казанской губернии. Русские власти объявили о массовой христианизации (7). Многие татары, стремясь сохранить свободу совести, эмигрировали на Урал, в туркестанские степи и в Сибирь. В начале XIX в. по указу Александра I в Казани был открыт университет. Стратегическая роль волжских татар была оценена в ходе колонизации Сибири, а также разработки проектов экспансии Империи в Центральную Азию. В начале XIX в. их территория стала неременным связующим звеном торговых транзитов Восток—Запад и Север—Юг. Этнолингвистическая и религиозная идентичность сделала из татар превосходных посредников в торговле России с Бухарой и Кокандом. Развитие торговли в казанском регионе привело к рождению предприимчивой, образованной и мобильной татарской буржуазии. Ее предприятия аккумулировали начальный капитал, который мог бы послужить индустриализации региона. Ее культура была не сравнима с любой из культур нерусских народов волжско-уральского региона: местные наречия исчезли там почти у всех, за исключением соседних угро-финнов (8). Было практически реализовано необходимое соответствие между культурным и институциональным (имеются в виду религиозные институты) факторами. Мобильность татарской буржуазии обуславливала рост ее коммерческой деятельности в Центральной Азии и Сибири, где сотни лет уже проживала значительная татарская диаспора. Налицо были все признаки утверждения в казанском регионе татарского "национального" индустриального общества, отличного от остальной России. Отдавали ли имперские власти себе в этом отчет?

Если согласиться с мнением многих специалистов по социологии и антропологии индустриализации (9), что создание национального государства определяется нуждами индустриализации, то царский указ 1886 г., запрещавший татарам любую торговую

деятельность и приобретение собственности в Центральной Азии, может быть интерпретирован как барьер, поставленный имперскими властями на пути развития татарского индустриального общества и последующего создания национального государства татар (10). Интенции этих властей не были сугубо коммерческими. Препятствуя утверждению татарской буржуазии в Центральной Азии, они попытались пресечь мощный подъем соперничавшей "высокой культуры" (11). Преждевременное исчезновение местных наречий на территории Татарстана в пользу хорошо развитого татарского языка привело к последовательной утрате самостоятельности различными местными культурами и позволило утвердиться необходимой для индустриального общества когнитивной рациональности. Улемы обеспечивали стабильность очень рафинированного аграрного общества и формирование элиты эндогенного типа.

В конце XIX в. образовательный уровень населения был ближе к показателям индустриального, чем аграрного общества. Осуществился переход от эндоформирования к экзоформированию родового типа: в 1905 г. в Казанской губернии грамотность среди татар оказалась выше, нежели среди проживающих там русских (10). В модернизации была значительной роль движения джадидов. Это движение, развивавшееся в основном в среде татарской интеллигенции Казани во второй половине XIX в. и сосредоточенное в коранических школах, как раз и сплотилось вокруг идеи о необходимой реформе образования — путем введения в обучение научных дисциплин и поиска философских оснований в первоначальном Исламе (11). Превращение просветительского движения в политическое совпало с замораживанием надежд на процветание татарской буржуазии. Движение джадидов во главе с партией "Иттифак" и его лидером А. Ибрагимовым пыталось преуспеть там, где проваливалась буржуазия: целями были собирание всех мусульман в экстратерриториальную автономию и установление конституционной монархии в России. Историю "Иттифака" можно свести к более или менее удавшимся попыткам идеологической экспансии в Туркестане и поискам на ощупь общих позиций с русскими антицаристскими политическими движениями. В них эта партия достаточно продолжительное время стремилась представлять мусульманскую ветвь. В итоге весьма ошутимая часть членов "Иттифака" между февралем и октябрём 1917 г. примкнула к большевикам и уже через них принимала марксистские идеи. По примеру М. Султан-Галиева татарские марксисты из левого крыла "Иттифака" всегда считали союз с русскими кадетами в 1907 г. фундаментальной ошибкой. Они были убеждены в справедливости тезисов Отто Бауэра об организации многонационального государства на основе принципа экстратерриториальной автономии и поддерживали султангалиевизм. Но это течение вошло в противоречие с целями Ленина и Сталина, кроившими границы в новом СССР, поскольку оно отстаивало идею объединения всех мусульман России в отдельном государстве от Казани до Памира ("Великий Туран"), идею, исходившую из принципа приоритета национального освобождения над социально-экономическим. В 1922 г. Султан-Галиева отстранили от власти в Казани, а его взгляды были в конце 20-х годов окончательно искоренены в партаппарате в ходе нескольких чисток. Для советской власти было важно контролировать всю территорию страны и разделить живущих в ней мусульман, подчеркнув новым территориальным делением государства этнические и лингвистические различия и несовместимости. Татарская Автономная Советская Социалистическая Республика в составе РСФСР была учреждена 27 мая 1920 г. после того, как из-за гражданской войны потерпел неудачу проект создания Советской республики татаро-башкир Волги и Урала. Новое образование с центром в Казани лежало в старых границах Казанского ханства. Существование диаспор не было учтено, автономия предоставлялась на территориальной основе *stricto sensu*: в результате в соседней Башкирской АССР насчитывалось больше татар, чем башкир; 3/4 татар живут вне пределов их номинального политического образования (М. Фарухшин, Казанский университет).

История Татарской АССР с 1920 г. по 1988 г. схожа с историей многих других "национальных" регионов СССР: принудительные коллективизация и индустриализация, значительная миграция татар и русских в республику и из нее. Наднациональная "советская" "высокая культура" подменяла национальные культуры локального автономного типа, унаследованные вроде бы от аграрного общества (случай с соседними башкирами), или же соперничающую с "советской" другую "высокую культуру". Последней навязывалась автономизация.

Здесь нужно подчеркнуть две главные особенности рассматриваемой ситуации: татары более тысячи лет жили на одной и той же территории, и это была радушная к пришельцам земля. Определение татарской нации связано с ее территориальным размещением. Вместе с тем татары также стали "иммигрантами" в других частях

российского пространства, татарский этнос сильно рассеян. Национальные политические движения XX в. выдвигают идею, в соответствии с которой татарская нация должна быть определена экстратерриториальным методом и предположительно интегрирована в совокупность всех тюркоязычных мусульманских наций прежнего российского или советского целого.

НЕВОЗМОЖНОСТЬ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ТАТАРСКОЙ НАЦИИ

В 1992 г. Республика Татарстан, заменившая в январе этого же года Татарскую ССР, насчитывала 3,6 млн жителей, из них (по официальному этнокультурному определению) 48,5% татар и 43,3 — русских (12), живущих на площади 68 тыс. кв. км (это примерно территория Бенилюкса). Кроме того, 5,5 млн татар живут в других регионах России: 1,4 млн — в соседнем Башкортостане, более 1 млн — в Сибири, около 1,5 млн — в Центральной Азии, около миллиона — в районе Екатеринбурга. Есть и значительные общины в Поволжье (около Самары и Симбирска, в Чувашии и Удмуртии), а также в Москве, Петербурге, Астрахани и в Риге.

Для ясности анализа мы назовем "потенциальными татарами" всех обитателей Татарстана, вне зависимости от их этнической, языковой или культурной принадлежности, а также татар, живущих на территории бывшего СССР, т. е. всего немногим больше 9 млн человек. "Реальные татары" — это те, у кого совпадают с татарской группой этнокультурная и территориальная принадлежности (т. е. 18,8% "потенциальных татар"). Термин "татарское общество" обозначит структуры, существующие во всей совокупности потенциальных и реальных татар в соответствии с этнокультурным определением, а понятие "общество Татарстана" — социальные структуры на территории Республики Татарстан.

Будучи с глобальной точки зрения однородным, общество всех потенциальных и реальных татар включает многочисленные подгруппы разнообразной этнокультурной, географической, социальной, профессиональной и др. принадлежностей. Мы все же постараемся выделить его общие характеристики, чтобы показать оригинальность в советской системе. В той мере, в какой для определения нации используется понятие культуры, мы выделяем культуру и "высокую культуру". Именно наличие последней создает возможность экзосоциализации человеческого сообщества — путем распространения некоей относительно автономной совокупности взаимосвязанных абстрактных знаний (13). Существование подобной совокупности необходимо для возникновения национальной общности и для развития идеи национализма в описанном выше смысле.

ВСЕ ТАТАРЫ (потенциальные и реальные) сильно урбанизированы, чем и отличаются от других тюркоязычных обществ бывшего СССР. Потенциальные татары вне Татарстана везде сгруппировались в городах (кроме Сибири, где они живут большей частью вокруг крупных городов) (14, 12. 09. 1989). Отсутствие официальной статистики превращает изучение татарской диаспоры (а значит и татарского общества России) в дело весьма затруднительное. Однако, можно предположить, что условия жизни татар Москвы, Сибири или Симбирска сходны с условиями жизни других сегментов их населения. Мы покажем ниже, что общество Татарстана мало отличается от всего русского (или точнее — евросоветского) общества. Отсюда следует, что татарское общество и общество Татарстана разнятся в основном по своим этнокультурным и географическим характеристикам.

В Татарстане уровень урбанизации достиг 73,7% (15), в Казахстане* — только 58, 3. Это связано с продвинутой индустриализацией Татарстана: 79% его населения занято во вторичном и третичном секторах (в Казахстане — 66,9%). Жители Татарстана более "следуют" мальтузианским советам, чем обитатели Центральной Азии и Казахстана: семья в Татарстане в среднем имеет 2,4 ребенка, в Казахстане — 3,8, в Туркменистане — 5,9. Если рассмотреть в данном плане отдельно потенциальных татар и реальных татар, живущих в своей республике, то разница очень слаба: у первых в среднем 2,2 ребенка в семье, у вторых — 2,9. Показатель демографического роста в Казани — 6,3 промилле; он практически равен вильнюсскому (6,6) или челябинскому (6,9), но четко превосходит соответствующие показатели Москвы (1, 1), гораздо ниже ашхабатского (18) или даже кишиневского (13%). Для Татарстана характерна демографическая и социопрофессиональная гомогенность, хотя реальные татары значительно менее урбанизированы, чем потенциальные: русские составляют 54% населения Казани и 65 —

Набережных Челнов. Социологически однородное население Татарстана проявляет тенденцию к тому, чтобы еще более гомогенизироваться через смешанные браки (между славянами и татарами) — 37% всех браков (16). Очевидно, что по уровню жизни жители Татарстана мало разнятся между собой и с другими обитателями РСФСР и, в их совокупности, с населением европейских республик бывшего СССР. Напротив, общество Татарстана представляется существенно отличающимся от центральноазиатских обществ и, в меньшей степени, от казахского. Тем более что Татарская АССР была экономически интегрирована с прилегающими областями РСФСР в Волжский экономический регион (17). В индустриальном плане Татарстан разделяет со своими соседями по регионам Волги и Урала и некоторые структурные характеристики: около 50% промышленной продукции республики дает ВПК (18), предприятия федерального подчинения в 1991 г. выпустили более 80% продукции. Татарстан полностью интегрирован в индустриальную схему СССР.

* Мы выбрали эту республику из-за сходства с Татарстаном в этническом и религиозном составе номинальных "национальностей"

Атомизированное территориально, татарское общество с трудом может защитить общие интересы своих членов; и только этнокультурная связь способна соединить потенциальных татар, живущих вне Татарстана, с реальными. Культура в гораздо большей мере, нежели социоэкономические критерии, служит "проявителем" особенности татар во всей евросоветской общности, в которой они, казалось бы, растворены. Значит, культура может быть более серьезным основанием для выделения татарской "нации". В какой же мере "высокая культура", общая для всех реальных и потенциальных татар, способна существовать или появиться, если мы знаем, что объективно она не наличествует ни в татарском обществе, ни в обществе Татарстана? Имеется ли какая-то "национальная" сверхчувствительность, или же речь идет просто о желании жить сообща?

В ПЕРИОД ДО КОНЦА 1988 г. проявления социального протеста в Татарстане больше напоминали ситуацию в других регионах РСФСР или Балтийских странах, нежели в тюркоязычных республиках Центральной Азии. Первым объектом стала территория. Прежде всего под огонь критики попало ее экологическое состояние, а затем — и благоустройство в широком смысле слова. Экологический протест был делом этнически разнообразных групп (А. Колесник, Татарстан) и позволил ориентировать социальное негодование первоначально на спасение природного, а затем и всего исторического достояния. Сомнения в способе социализации природных ресурсов трансформировались в критику коллективной собственности на средства производства. Отпала нужда в использовании понятия (природного) достояния, связанного с какой-то особой территорией, подвергалась сомнению вообще вся советская система, а не только ее территориальные аспекты. Так появился антицентрализаторский политический рефлекс, не ставивший, однако, под сомнение существовавшие местные идеологические и административные структуры. Он воплотился в требование местного самоуправления, мощно поддержанное московскими реформаторами. В первое время казалось, что экологические лозунги ограничатся критикой способов социализации окружающей среды и перераспределения природного пространства. Последнее воспринималось скорее утилитарно: вода — для питья, земля — для возделывания, воздух — для дыхания. Экологическая борьба сосредоточилась на местных проблемах, ее успехи поэтому непосредственно ощущались населением. Татары Сибири (19) и Казахстана активно участвовали в ней в своих городах: русские Татарстана также очень деятельно защищали свое жизненное пространство. Казалось очевидным, что в данном случае само по себе понятие территории не подходит для объяснения экологических корней становления национального сознания. В этом процессе территория должна восприниматься не как представляющий опасность объект, но только как субъект. И тогда родовые признаки природы рельефно выделяются, позволяя осознать ее не в строго пространственном смысле, но шире — в историческом. Под вопрос ставится уже не социализация природы, а история овладения ею.

Стремящаяся к самореформированию политическая идеология всегда соперничает с политической мифологией, характерной для общества аграрного типа (20). Но использованная в данном случае политическая мифология прославляла прошлое татар и представляла русских как завоевателей исторической территории Татарстана. И это несмотря на то, что вначале на первый план выдвигался аргумент об общем природном наследии обитателей земель. Волга (Идель) стала темой всех выступлений татарских общественных деятелей. Территория больше не являлась пространством, она превратилась в Святая Святых. С тех пор обозначились два различных понимания территории: одно — пространственное и всеобщее, сознательно внеисторическое, другое — историческое и символическое.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ движения, формировавшиеся в течение всего 1988 г., широко использовали экологическую аргументацию прежде всего в символическом смысле, чтобы осудить деспотическую индустриализацию и вообще подкрепить наглядными примерами свое отношение к варварскому характеру "советской колонизации".

Политическое использование символов, связанных с состоянием окружающей среды, позволило национальным движениям открыть дискуссию о татарской истории и культуре. Их деятели скоро отказались от выступлений, ограниченных проблемами охраны природы. Главной заботой стало определение культуры, точнее — "высокой культуры" и прежде всего его инструмента — языка. У последнего есть ясная функция в формировании нации: язык обеспечивает однородную экзосоциализацию человеческого сообщества, лишая автономии местные культуры. В случае с сегодняшними татарами речь идет не столько о том, что бы изменить статус автономизированных местных культур, сколько о том, чтобы оживить исчезнувшую было собственную "высокую культуру". Но она может возникнуть вновь лишь при условии обновленной инструментализации языка.

С 1989 г. центральной стала проблема воскрешения языка в качестве функционального. Поиск оснований татарской "высокой культуры" занимал меньшее внимание, чем проблемы ее возрождения. "Национальные" языки были в автономиях РСФСР в большей мере, чем в других республиках СССР, сведены на уровень "бытовых" (21), употреблявшихся в семье и начисто лишенных каких-либо социальных и экономических функций. К примеру, около 90% экономической и политической татарской терминологии — это "татаризованные" русские слова (Хантемирова Ф., 14, 14. 08. 1988) Татарский язык обеднел и застыл в своем развитии. Некоторые национальные движения связывали это с насильственным переводом письменности на кириллицу после революции 1917г. Полагали, что для татарского языка важно обрести "естественную" транскрипцию (для одних таковой представлялся латинский алфавит, для других — арабский) (Байрамова Ф.; 14, 27. 09. 1988). Фольклор, на который делали постоянный упор советские чиновники, являет собой весьма искусственный культурный оплот, поскольку он закрепляет за языком очень узкую функцию и благоприятствует развитию лишь местных культур, отражающих характеристики доиндустриального общества. К тому же власти поощряли фольклор скорее в стилизованной версии, чем в традиционном музыкальном выражении (Р. Хакимов, Казань).

С 1989 г. вплоть до президентских выборов в июне 1991 г. национальные движения ставили борьбу за лингвистическое обновление во главу угла: татарский язык должен обрести свою социальную функцию. Отметим, что в 1989 г. 98,9% реальных татар и 80,1% татар диаспоры считали татарский язык родным, но только 12,5% живущих в Татарстане русских знали татарский. Обновление татарского языка как главного инструмента "высокой культуры" а priori оттесняло нетатароязычно население республики от участия в определении этой культуры. Впрочем, узкая направленность дискуссий обусловила практически полное отсутствие общественного обсуждения оснований "высокой культуры" как альтернативы советизму. Татарские национальные движения вполне вписались в логику генезиса национализма. Но татарское общество уже является индустриальным, почему и новое определение нации непременно должно основываться на размышлениях о том, существует ли у данной нации особенная "высокая культура" и каковы ее функции, а не только о ее инструментарии.

Политическая культура тоже может рассматриваться как элемент "высокой культуры" человеческого сообщества*. В данном случае споры о татарской политической культуре были редкими**. Мало кто воспринимал проблему серьезно. Первоначально национальные движения акцентировали политическую татарскую культуру, основанную на идее отвоения и защиты исторической территории. С весны 1989 г. они потребовали реабилитации эпоса "Идегей", осужденного ЦК ВКП(б) 9 августа 1944 г. (Рорлич А. А.; 23, 1989, № 39). Любопытно, что деятели национальных движений почти не вспоминали о джадидах и о подъеме татарской буржуазии в конце прошлого века, которые составляли фермент возможной национальной "высокой культуры". Мало также уделялось внимания дискуссиям о реформистском исламе и об экономических проблемах; казалось, что связи с дореволюционными традициями потеряны. Риторика сосредоточилась прежде всего на реабилитации конкретных лиц, а также на символах татарского сопротивления захватчикам***. Национальные движения пытались реанимировать этническую культуру путем восстановления ее лингвистического инструмента, не учитывая необходимость обосновать ее приоритет как альтернативы советской модели "высокой культуры". Узость действий и теоретической базы, равно как и незнание собственной истории были раскритикованы отдельными татарскими интеллектуалами (24).

* Правда, некоторые авторы считают ее случайной эманацией национальной "высокой культуры" (22)

** Один из студентов-политологов КГУ рассказывал автору, что в октябре 1991 г. решение ввести курс по татарской общественной мысли вызвало насмешки всех профессоров и учащихся.

*** Была отмечена как траурная дата годовщина взятия Казани Иваном Грозным; состоялись празднования по случаю тысячелетия исламизации в Поволжье.

ИДЕЯ "национального сообщества Татарстана", объединяющего татар и славян республики, настойчиво развивалась законной политической властью (М. Шаймиев; 14, 18. 08. 1989). Авторы идеи исходили из наличия политической культуры Татарстана, имеющей большую реальность и больший мобилизационный потенциал, чем попытки по кусочкам восстановить обрывки исторической политической культуры. С известным реализмом анализировалась ситуация: есть общие для всех жителей Татарстана интересы, и их политическое выражение сообщит поискам идентичности новую динамику. Именно таким путем, на основе общих интересов, можно создать собственную "высокую культуру" и уже сейчас заложить начала отличной от советской и русской политической культуры. Но все-таки эта теория была обречена оставаться красивым политическим дискурсом, хотя в ней и содержалось так называемое консенсусное определение нации.

Утверждалось, что Татарстан способен быть государством, даже не став нацией. Но такая концепция нации является волюнтаристской, ибо пренебрегает историческим измерением национального вопроса. К тому же, редуцируя понятие наследия к тому, что оно является ничем иным, как общей собственностью на данный момент, эта концепция по сути дела обвиняла национальные движения в ошибочном сосредоточении внимания "общественного мнения" на вопросах второстепенных. Выдвижение тезиса об общих интересах как основания для новой "высокой культуры" было обусловлено скорее отрицанием со стороны большинства населения Татарстана этнокультурного национализма самых радикальных движений, чем выражением некоей позитивной программы: в 1990 г. только 12% рабочих и служащих республики полагали, что "националистические лидеры говорят о действительных проблемах", но 44,9% татар с высшим образованием думали именно так (14, 25. 06. 1990). В декабре 1991 г. 5% жителей считали, что межэтнические отношения — главная проблема республики (25). Между прочим, в начале 1990 г. 58,4% татар и славян республики были уверены, что "недавнее усиление межэтнической напряженности связано с экономическими проблемами" (14, 12. 02. 1990). Компартия Татарстана делала упор на полиэтническое богатство республики, стараясь показать, что именно оно — основание ее самобытности, выделяющей Татарстан из других регионов СССР и РСФСР (26). Официальный дискурс Кремля и Казани, вне зависимости от того, кто занимал в них главное кресло, в этом отношении также оставался неизменным. В июне 1992 г. М. Шаймиев заметил, что "87% живущих в Татарстане русскоязычных там и родились" (1, 16. 06. 1992). Законная политическая власть постоянно старается избежать обсуждения по существу вопроса об этническом разнообразии (хотя и называет его главной ценностью), равно как и видит в межкультурных проблемах исключительно проявление социально-экономической напряженности, обусловленной навязыванием республике Москвой негодных реформ. Эта власть стремится проводить альтернативную (национальным движениям) политику поиска национальной легитимности, основанной на общих мнениях, даже предчувствиях. Так, разве не самым лучшим образом распределены между разными этносами руководящие посты на предприятиях (исключая Камаз) и в административном аппарате? Ведь лишь 4, 7% жителей думают, что функции управления экономикой, крупными предприятиями с этнической точки зрения распределены плохо. Пытаясь воссоздать национальное единство с помощью "высокой культуры", основанной на мнении большинства населения о необходимости перестройки экономики и на отрицании "националистического" дискурса, официальные власти игнорируют неперемные исторические корни любой национальной "высокой культуры". Для этих властей создание "высокой культуры" должно завершиться образованием "нации", какой бы искусственной она ни была, и последующим формированием государства. Речь идет о легитимности относительно центральной (сначала советской, потом русской) власти путем поиска аргументов, параллельных тезисам национальных движений. И напротив, цель этих движений — воссоздание в татарском сообществе своей собственной "высокой культуры", униженной приматом советской "высокой культуры". Но они не считают необходимым задуматься о функциях такого культурного возрождения и тем более не пытаются адаптировать к условиям современного общества альтернативную политическую культуру (к примеру, не выявляется роль татарской буржуазии в становлении культуры в начале XX в.).

Таким образом, ни одна из предлагаемых "высоких культур" не способна обеспечить однородную экзосоциализацию всех татар — реальных и потенциальных. Внутри рассматриваемого "общества", столь гетерогенного, слишком велика роль факторов расхождения.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ ТИПОВ ТАТАРСКОГО НАЦИОНАЛИЗМА

Анализ татарского общества и общества Татарстана с помощью понятия "высокой культуры" подтверждает вывод о том, что единого, объективного и абсолютного определения какой-либо нации вообще не существует. Вместе с тем где-то с начала 1989 г. в Татарстане дискурс политических акторов в основном сосредоточился на данном понятии. Следовательно, не так уж и нереальны разновидности национализма, не имеющие объективного для них социального основания. Могут ли они сводиться к простым политическим стратегиям прихода к власти или ее удержания? Стоит ли усматривать в их появлении признак поиска политической культуры и через нее — собственной "высокой культуры" и условий, благоприятствующих образованию политически независимой общности? Отрицательные ответы на эти вопросы дает подавляющее большинство русских обозревателей. Они видят в разных типах национализма, воспламенивших экс-автономии РСФСР, проявление манипуляций бывшей КПСС и ее местных лидеров для продолжения их антидемократического влияния на отдельные регионы (Каганский В.; 27, 31. 12. 1991). В случае с Татарстаном такой подход нам кажется ошибочным в силу крайней схематизации. Представляется, что эти комментаторы не различают здесь национализм, проповедуемый национальными движениями (нацеленными преимущественно на политическое воссоздание исторического татарского сообщества), и национализм другого типа — самой законной политической власти Республики Татарстан. Такой национализм — инструмент построения политической (в форме государства) общности, отличающейся от всей России, до сих пор находящейся под влиянием советской модели. Эти типы национализма восприняли две разные политические стратегии. Их можно классифицировать по пониманию того, каким должен быть Татарстан. Бывшая автономия бывшей советской республики — Татарстан — должен определить себя *a contrario* по отношению к СССР и России. Будучи исторической территорией татарского народа, он определяется также своей историей и современной политической стратегией, нацеленной на объединение татар вокруг институтов данной территории. Каждая разновидность национализма — этнокультурная и территориальная — по разному используют два указанных фактора определения Татарстана.

Таким образом, национальные движения и законная политическая власть республики инициируют два типа татарского национализма с различающимися стратегиями, но прежде всего — с несхожими способами определения Татарстана: Историческое сообщество или географическое сообщество? Стремящаяся стать государством нация или государство, намеренное стать нацией?

СУВЕРЕНИТЕТ КАК ОПОРА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

С 1989 г. национальные требования в Татарстане структурировались политически. Развитие критики советского режима, его способов социализации и управления ресурсами натолкнулось на необходимость создать подлинную альтернативу официальной идеологии Центра. Татарские национальные движения, а затем законная власть республики стремились отделиться от дискурса центральных советских и российских властей, все больше расходившихся в своих мнениях. Наличие отличающейся (от СССР и от России) этнокультурной общности было первым аргументом для определения Татарстана. С момента основания Татарского общественного центра (ТОЦ) в феврале 1989 г. этнокультурная особость республики и поиск исторической легитимности политического сообщества, отличающегося от РСФСР, стали лейтмотивом жарких дискуссий.

ТОЦ родился по инициативе нескольких десятков интеллектуалов из Казанского университета. Многие из них вышли из компартии республики, осознав уроки XIX конференции КПСС (июнь 1988 г.). Целых три года ТОЦ, во главе которого с самого начала находился декан КГУ М. Милюков, был основным национальным татарским движением (Шамиль-Оглу У.; 23, 1989, № 51). К нему постепенно добавились некоторые татарские национальные движения диаспоры: "Туган Тель" (Москва), "Болгар-эль-Джадид" (Ульяновск), ТОЦ Башкортостана (созданный независимо от ТОЦ Казани летом 1989 г.). В

конце 1989 г. возникли такие движения "Саф-Ислам" (панисламистское) и "Марджани" (выступающее за восстановление татарских традиций и за национальное государство). Конечно, представители этих движений сильно критиковали ТОЦ за умеренные и центристские позиции. Пассионарная Фазия Байрамова, филолог, председатель Комитета матерей, боролась за Ислам как за "оплот татарской нации и культуры". Она возглавила движение "Иттифак" — открыто пантюркистское и панисламистское с момента его создания в октябре 1990 г. (Рорлич А. А.; 23, 1989, № 11). Вместе с движением молодых татар ("Азатлык"), "Иттифак" повел борьбу за воссоздание такого Татарстана, который объединил бы всех татар России и Центральной Азии — в качестве первого шага к собиранию всех тюркоязычных мусульман СССР в едином государстве. Но только ТОЦ был зарегистрирован как политическая партия (октябрь 1991). Другие организации по сей день пользуются неясным статусом "культурной ассоциации". Очень активные на местах, они быстро отмежевались от ТОЦ. Для "Азатлыка" и "Иттифака" определение политической стратегии проходит через воскрешение татарского государства на строго этнокультурной основе. В общем, по их убеждению, нужно превзойти навязанные советским режимом структуры для того, чтобы отыскать исторические корни татарской нации. В январе 1992 г. за "Азатлык" и "Иттифак" намеревались голосовать только 2% избирателей (Польшинский Л.; 14, 18. 02, 1992). Эти организации исключили себя из дискуссии об определении Татарстана по отношению к России, ибо пренебрегли осмыслением его экономической, политической, географической и исторической позиции в России и СССР. Им представлялось, что Татарстан должен продемонстрировать России свою силу и стать соперничающим с ней государством, что его единство должно опираться на экстратерриториальную основу.

Если указанные движения и обнаружили известную преемственность с "Иттифаком" начала XX в., то в противоположность ему они отстранились от России, отказавшись от любых переговоров с русскими (советскими) властями и политическими движениями (разница между первыми и вторыми не виделась). В ТОЦ скоро обнаружили бесплодность подобной стратегии. Прежде всего потому, что политическая идеология (или мифология), сформировавшая такую стратегию, была, по мнению деятелей ТОЦ, усеченной и отжившей свое. Далее, ориентация нарождающегося политического дискурса исключительно на вопросы языка, культуры, на историческое определение Татарстана с помощью эндогенных факторов отрезала национальные движения от прямого диалога с центральными властями (Милюков М.; 27, 12. 12. 1991).

ДЕЙСТВИТЕЛЬНО, только законная политическая власть была в состоянии вести переговоры с Центром. Она быстро монополизировала диалог с Москвой и тем самым — средства продвижения автономии Татарстана в желаемом направлении. Благодаря такой стратегии ключи к определению республики в советском и российском сообществе оказались у нее в руках. Для законной власти определение Татарстана сначала должно произойти а *contra*rio — т. е. больше по отношению к России, чем к СССР. В политическом дискурсе акцентировались темы расхождения интересов республики с остальной частью РСФСР. Именно таким способом реформистская политическая власть, представленная Шаймиевым, секретарем компартии Татарстана (он был избран президентом республики в июне 1991 г.), стала лидером стратегии, оппозиционной по отношению к центральным русским и советским властям. Быстро было перехвачено одно из начальных требований ТОЦ: суверенитет республики и придание ей федеративного статуса. Эта линия хорошо соответствовала в равной мере потребности как внутреннего, так и внешнего порядка. Верховный Совет (ВС) Татарстана проголосовал за суверенитет 30 августа 1990 г. и таким образом превратил республику в федеративную. Тем самым власти Татарстана вознамерились показать ВС РСФСР и президенту Б. Ельцину, что отныне они не собираются обсуждать способы обретения своей самостоятельности непосредственно с центральными советскими властями. В октябре 1990 г. Ельцин очень позитивно высказался о расширении полномочий автономных республик РСФСР, напомнив мимоходом, что они не могут существовать на ином, нежели национальное, основании (28, 23. 10. 1990). Тогда Б. Ельцин не хотел видеть в требованиях автономии проявления исключительно радикального национализма. Позже, накануне референдума о "независимости" Татарстана в марте 1992 г., президент России предупредил ВС республики о различии интересов татар и русскоязычного населения, высказав намерение защищать последнее (1, 20. 03. 1992).

Вначале для законных властей Татарстана его суверенитет был чем-то вроде сегодняшнего "регионализма" сибиряков и уральцев. Вплоть до августовского путча 1991 г. ключи к экономической самостоятельности (лозунг казанских властей) как квинтэссенции суверенитета находились в руках советской власти Москвы. Такая самостоятельность

была ядром всех требований Казани. Тем не менее власти СССР не удостоили ответом своих верных друзей из Казани, отодвинув проблемы автономных республик на второй план. Когда в Казани говорили о суверенитете, правительство СССР стыдливо рассуждало о суверенизации или доступе к суверенитету. За этим термином скрывалось различное понимание сторонами реальности. Для русских демократов суверенизация означала расплывчатую автономию в составе самоутверждающейся РСФСР, для близких к М. Горбачеву влиятельных московских реформаторов — по преимуществу последовательную институционализацию экономического самоуправления всех регионов СССР безотносительно к их национальным или этническим различиям. Эти реформаторы были убеждены в справедливости своих тезисов и в их адекватности местным нуждам (Абалкин А.; 18, 1. 02. 1991). Подобные тезисы соотносились с хрущевскими планами реорганизации экономического пространства СССР на базе совнархозов или с теориями конструктивной географии, настаивавшими на создании "региональных экономических пространств" (29).

Признавая необходимость реформы институтов экономического регулирования, власти Татарстана вместе с тем любую спущенную сверху реформу воспринимали как наносящую по республике решающий удар. Отныне стабильность их положения во властных структурах зависела от овладения экономическими делами республики. Для реализации данной цели в политическом плане и понадобилось использовать понятие суверенитета, позволяющего политически легитимировать экономические амбиции. Размещенный в Набережных Челнах автогигант КамАЗ превратился в объект притязаний всех сторон с самого начала приватизации крупных предприятий в СССР. Поскольку этот завод был вне юрисдикции Татарстана, он быстро стал символом борьбы за экономическое самоуправление и суверенитет республики, более того — ставкой в политических спорах с Москвой.

С начала 1989 г. изменение функций местных лидеров КПСС было центральным пунктом советской внутренней политики, а идея децентрализации политической и экономической власти — главной интригой перестройки. Последняя навязывала революцию в менталитетах, конкретнее — в функциях местных партийных руководителей и глав исполкомов. Раньше их удовлетворял статус простых исполнителей решений из Москвы в соответствии с разработанными там же планами и с четко определенными финансовыми лимитами. Отныне же местным деятелям пришлось выработать общую политику развития и находить средства для ее осуществления. Их управленческие функции быстро превратились в функцию принятия решений (30). В Татарстане намерения московских реформаторов были исполнены сверх всяких ожиданий. Там восприняли указание о самоуправлении буквально, выработали оригинальную экономическую политику, основанную на отрицании центральных директив. Из участия Татарстана в приватизации КамАЗа команда Шаймиева намеревалась извлечь несколько политических выгод: лишить национальные движения возможностей все более острой критики в своей адрес, упрочить собственные позиции до момента, когда российское государство станет сильнее советского, обеспечить Татарстан финансовыми средствами, необходимыми для независимой экономической и международной политики.

Битва за КамАЗ позволила политическим властям республики определить ядро "национальной" экономической политики, основанной на отрицании принципов приватизации крупных предприятий и деколлективизации. Эта оппозиция тезисам Центра стала систематической после августовского путча. Она еще больше усилилась после подписания минских соглашений о СНГ в декабре 1991 г. Лишенный своих идеологических и стратегических редутов в Москве, Шаймиев искусно превратил свою поддержку путчистов в "национальное противодействие великорусскому шовинизму" (Шаймиев М.; 14, 19. 08. 1991). Отказ российского правительства уступить часть капитала КамАЗа Татарстану укрепил Шаймиева в убеждении, что интересы республики отныне бесповоротно расходятся с интересами России. Таковым, кстати, было и мнение большинства самих жителей Татарстана. Они охотно поддержали шаймиевские тезисы: 62,9% участников опроса полагали, что приватизация и деколлективизация пагубны; 75,7% респондентов высказались за поддержку крупных предприятий федерального подчинения в госсекторе (25). Кроме того, 83% опрошенных считали, что природные ресурсы Татарстана, в основном нефть, мало что дают ему. Таким образом, позиция руководителей Татарстана пользуется известной легитимностью: значительное большинство его жителей признают расхождение интересов между республикой и Россией. Это большинство весьма легко привело Шаймиева на пост президента и высказалось за "независимость" на референдуме.

Законным властям удалось определить легитимную идентичность татарского сообщества, основанную на его общих экономических интересах, которые отличаются от интересов России. Обеспечив себе монополию на переговоры с центральной властью (советской, потом российской) при помощи оригинального и относительно хорошо восприняемого народом политического дискурса, властям Татарстана удалось наделять политической идентичностью управляемую ими территорию. Искусно используя некоторые лозунги ТОЦ в своих дискуссиях с Россией, команда президента все-таки главные свои усилия посвятила экономическим и социальным проблемам республики. Обозначился отказ от политики задуманных в Москве реформ, что и явилось мотивом решения татарского правительства не подписывать Федеративный договор в апреле 1992 г. (31, 23. 05. 1992). Особенно сопротивлялся Шаймиев централизованной налоговой системе, предусмотренной этим соглашением (23. 1992, № 14). Надо, правда, отметить, что создание внешнего образа реформистского Татарстана не удалось бы без искусной внутренней политики, сконцентрированной на отстранении национальных движений от процесса принятия решений с тем, чтобы обеспечить законной власти монополию на эндогенное определение республики Татарстан.

НЕЗАВИСИМОСТЬ КАК ОПОРА АЛЬТЕРНАТИВНОЙ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ

В начале 1992 г. казанский политолог А.Юртаев сказал мне: "После долгих сомнений я все же пришел к выводу, что замысел Шаймиева и его команды — в институционализации государства Татарстан, каким бы ни было его политическое или даже историческое основание". Некоторые главы соседних республик также считают, что ныне правящие круги Казани стараются увековечить властные структуры, унаследованные от советского прошлого (Портников В.; 27, 26. 02. 1991). Становится все более ясным, что Татарстан пытается на ощупь найти свою политическую идентичность, отличную от идентичности России. Постоянно определяя себя в качестве ее оппозиции, татарские руководители постепенно перешли от идеи некоей экономической автономии к идее политической независимости. Это, по их мнению, единственная гарантия осуществления действительно самостоятельной хозяйственной политики. Разумеется, после возникновения в 1989 г. "национальной" оппозиции в Татарстане команда Шаймиева постаралась минимизировать влияние плюралистических дискуссий в парламенте на социальное управление. Но эта практика прежде всего связана с нежеланием делиться с кем-то руководством экономикой. Для Шаймиева определение Татарстана в соответствии с эндогенными факторами обусловлено признанием экономического и политического единства на территории республики. В первую очередь Татарстан должен защитить свои права и заставить Россию оценить свою самобытность. Но может ли угрожать существующему властному порядку и принудить президента сблизить свой политический дискурс с национальными движениями прогрессирующая институционализация этих последних? В частности, речь идет об утверждающемся потенциальном сопернике ВС республики — всетатарском парламенте (миллимеджлисе). Недавно такое сближение наметилось, но прошло слишком мало времени, чтобы корректно его оценить.

ТАТАРСКИЙ ПРЕЗИДЕНТ показал себя как единственный возможный партнер в переговорах с Москвой, поскольку постепенно гарантировал отсутствие внутри республики любой конкуренции в данном плане. Это удалось ему с помощью усиления институциональных структур своей власти. Вначале речь шла о том, чтобы помешать внутривластным дискуссиям влиять на отношения республики с Центром. Весной 1989 г. ТОЦ уже был способен предложить кандидатов в народные депутаты СССР. Республиканский комитет КПСС выставил единых кандидатов против всех остальных, так что независимым претендентам ничего не удалось сделать ни внутри Татарстана, ни в его отношениях с Центром. После вхождения депутатов-некоммунистов в ВС республики в результате выборов в феврале 1990 г. Шаймиев использовал некоторые их идеи в диалоге с Москвой, но параллельно укрепил влияние внутривластных непарламентских институтов. Действительно, КПСС находилась в серьезнейшем кризисе и ее органы нельзя было использовать для передачи в Москву принятых в Казани решений. Новый парламент, состав которого разделился на ориентирующихся на Шаймиева экс-коммунистов и на депутатов от национальных движений, стал скорее политической трибуной, чем центром принятия решений (из 250 мест в ВС 93 принадлежат группе "Татарстан" из представителей ТОЦ и "Иттифака"). Татарская компартия, расколотая национальными веяниями еще до создания ТОЦ, впала в глубокий склероз. Она располагала очень консервативным аппаратом, противившимся признанию новых правил политической игры (в 1990 г. только 11% партийных кадров не поддержали учреждение самостоятельной РКП, оппозиционной перестройке; 42, 3% считали, что коммунизм — "цель истории", и 97% высказались против независимости стран Балтии) (32). Кадры

татарской компартии, несмотря на их привычку к дисциплине, могли только противиться экономической политике татарских властей в тех ее аспектах, которые выходили за рамки, зафиксированные политбюро ЦК КПСС. Напротив, новый ВС республики казался молодым и прогрессивным институтом: на 1 января 1992 г. 70,5% депутатов имели возраст от 30 до 49 лет, 88% — окончили вузы (15). Стратегия Шаймиева состояла в обеспечении союза этих двух вроде бы несовместимых сил: он заставлял самые молодые и динамичные элементы компартии трансформировать некоторые идеи парламента в политическую реальность, способную служить основой легитимности власти его команды.

Официальный лозунг борьбы за экономическую самостоятельность предназначался не только для укрепления внешних позиций республики, но и для благоприятствующего Шаймиеву распределения внутренних фракций. Почувствовав смещение центра политической жизни от партии в сторону национальных движений и ВС в 1989—1990 гг., он стал методически отбирать в правительственную команду самые динамичные партийные и хозяйственные кадры для придания ей основательности. Задача виделась в том, чтобы решения, транслируемые этими кадрами (они станут лично Шаймиевым назначенными главами местных администраций) воспринимались без "визы" ВС (31, 9. 01. 1992). Старый партаппарат таким образом перевоплотился в госаппарат. Институт президентской власти, поддержанной парламентом, стал популярным, хотя больше среди реальных татар, чем славян*. Основные властные функции сосредоточены в руках президента и его советников, которые юридически не должны отчитываться перед ВС. Между прочим, все председатели комиссий ВС — приближенные нового президента. И только он имеет право законодательной инициативы по экономическим вопросам и внешним связям. Делегировав право на принятие реальных решений президентским и парпрезидентским структурам, ВС тем самым сложил с себя функции контроля и реальной оппозиции данным структурам. Политическое определение Татарстана полностью было отдано команде Шаймиева. Национальные движения, равно как и Демократическая партия России (ДПР — "партия Травкина"), активность которой с августа 1991 г. постоянно растет, продолжают оставаться группами давления, оживляющими внутреннюю политическую жизнь, но не имеющими влияния на общественные дела, особенно на экономическую реформу. Проект конституции Татарстана, разработанный несколькими советниками Шаймиева и двумя главами комиссий ВС, включает идею сильной президентской власти без реального парламентского противовеса (34). Он даже предусматривает возможность президентского вмешательства в выборы исполнительных комитетов в городах с населением свыше 50 тыс. человек, чрезвычайные полномочия президента в особых ситуациях. Поразительна полная неясность прерогатив будущего Конституционного суда. Более того, данный проект конституции не уточняет, каковы будут отношения с Россией, и не предусматривает специального органа для рассмотрения проблем с "соседями". Однако, по словам председателя юридической комиссии ВС, "все, что находится вне компетенции президента и его советников, включено в проект". Это высказывание заставляет думать, что любое разделение властей фактически исключается и что вся власть сосредоточена в руках президента принципиально. Шаймиев уже сегодня располагает настоящим государственным аппаратом, обладающим определенной эффективностью. Его решения хорошо выполняются предприятиями республиканского подчинения и различными местными органами.

* Идею президентства поддержали 34, 5% жителей республики, в том числе 38, 9% татар и 30, 1 славян, 33, 9% сочли, что этот институт позволит более эффективно решать экономические проблемы, в том числе 41, 5% татар и 25, 6 — славян (33).

После августовского путча президентская команда имеет лишь одну политическую легитимность — оппозицию России Бориса Ельцина. Эта оппозиция проявляется в отрицании массовой приватизации, для чего усиливаются шаймиевские структуры внутри республики. Однако обострение политических дискуссий в Казани, разрастание конфликта между российскими демократами в Татарстане и национальными движениями подталкивают республиканскую власть к большему вмешательству во внутривнутриполитическую ситуацию, чем через аппаратные реформы и самоудовлетворяющий дискурс о "сообществе народов Татарстана".

ШАЙМИЕВ, располагая устойчивым властным аппаратом и относительной народной поддержкой, ведет себя по отношению к российскому правительству решительно, зарабатывая очки. Но деятельность президентской команды шаг за шагом обнаруживает, что у нее нет никакого определенного политического проекта, за исключением предложений, которые позволили бы Татарстану избежать трудностей радикального перехода к рыночной экономике.

Слишком озабоченная делами управления, законная власть поздно заметила, что различные политические движения структурировались и самоорганизовывались, даже институционализировались. ДПР предприняла кампанию против Шаймиева, представляя его мелким местным властителем, имеющим единственную цель — удержаться на своем месте. 15 октября 1991 г. произошли кровавые инциденты около здания ВС в Казани. ТОЦ организовал демонстрацию за независимость Татарстана, принуждая ВС объявить о ней в сей же день. Российские демократы своей контрдемонстрацией протестовали против "давления национальных движений на институты (власти)" (Д. Михайлин, казанский корреспондент "Российской газеты"). Вероятно, эти первые капли крови заставили задуматься людей президента. Радикализация политических позиций российских демократов, подвергающих сомнению уже экономические идеи Шаймиева (которые их представители в ВС в 1990 г. в большинстве своем поддержали), подтолкнули президентскую команду к сближению с мнениями ТОЦ. Последний, наперекор стихиям, считает установление татарского национального государства на экстратерриториальной основе неизбежным (Милюков М.; 31, 17. 02. 1992). Эта убежденность помогла лидерам ТОЦ осенью 1991 г. создать всетатарский национальный парламент, включающий представителей различных тенденций татарского движения в России и в Центральной Азии. Миллимеджлис призван быть противовесом ВС республики (чем-то вроде "сената"). Некоторые движения, в частности "Иттифак" и "Азатлык", видят в нем идеальную замену нынешнему ВС как пережитку советской власти. Первоначально миллимеджлис рассчитывал получить право вето на решения ВС по языковым и культурным вопросам, распространить действие своих резолюций даже на область образования. Но российские демократы решительно воспротивились институционализации миллимеджлиса — как попытке закрепить двойное политическое представительство национальных движений. Учитывая прерогативы, имеющиеся у ВС, Шаймиев посчитал, очевидно, что второй парламент вряд ли будет отрицательно влиять на установленный институциональный порядок. Президент поддержал инициативу миллимеджлиса на его первом собрании в феврале 1992 г. Данный жест может быть истолкован по-разному: либо как попытка заставить национальные движения согласиться с проектом референдума о "независимости"; либо как знак готовности неявно принять тезис о экстратерриториальном определении будущего татарского государства, обещание включать его впредь в свои проекты, но пока исключительно на территориальной основе (Портников В; 27, 3. 12. 1991); либо, наконец, как просто стремление расширить круг своих друзей.

Несмотря на интенсивность переговоров сначала с советской, затем с российской центральной властью*, казанские руководители не смогли разработать настоящую стратегию международных отношений или просто установить их с другими республиками и регионами бывшего СССР. Весной 1992 г. российское правительство согласилось передать некоторые прерогативы бывшим автономиям: разрешить им создать собственные центральные банки (35); к тому же Федеральный договор включает право автономии на прибыль от использования природных ресурсов их территорий. Эти уступки всем "автономным" единицам России не удовлетворили группу Шаймиева, акцентирующую специфику татарского "случая" и на этом основании — невозможность его урегулирования по типовому проекту. Вот почему скрытая поддержка миллимеджлиса должна быть интерпретирована как знак Москве, а не как вираж политики Казани. Она отражает намерение властей Татарстана расширить круг своих союзников и поддерживать независимые международные отношения с властями России. До конца 1991 г. Татарстан ограничился подписанием только одного договора — с соседними башкирами о признании принципа нерушимости их современных границ. Но в феврале—апреле 1992 г. республика подписала договоры о дружбе и сотрудничестве с Таджикистаном, Азербайджаном, Казахстаном, Туркменистаном (23, 1992, №№ 5, 7, 9, 13). Умножаются торговые контакты с западными инвесторами, привлеченными нефтяными богатствами Татарстана, в частных магазинчиках Казани появляется все больше турецких товаров. Развитие международных связей должно показать Москве, что Татарстан способен стать государством, организующим свои отношения с Россией на основе равенства. Национальные движения, со своей стороны, налаживают собственную сеть международных связей: все татарские движения в декабре 1991 г. присутствовали на пантюркистской ассамблее в Алма-Ате (Халилов В.; 36). Но сближаясь с национальными движениями и развивая международные отношения, законная власть Татарстана не только ищет новые орудия для переговорного процесса с российским правительством. Она надеется таким образом обрести новую политическую легитимность, ибо требования об экономической власти уже частично удовлетворены. Прежде всего речь идет об овладении ходом событий с тем, чтобы не дать национальным движениям превратиться, как в Чечне, в настоящую вооруженную оппозицию. Для этого нужно, чтобы президентская команда сохранила монополию на принятие решений в татарском политическом сообществе. Она пока не настаивает на институционализации государства в полном смысле термина, о чем свидетельствуют

слова Шаймиева, произнесенные в июле 1992 г.: То, что нам нужно, — так это экономически самостоятельное государство, способное вести переговоры об экономической помощи, устанавливать собственные экономические правила. В любом случае мы не нуждаемся в собственной армии или валюте (37).

* Между октябрём и мартом 1992 г. — 8 встреч с советскими и 20 — с российскими руководителями.

* * *

Способен ли национализм существовать без нации, которая этно-исторически и культурно идентифицировала бы самое себя внутри четко определенного общества? Татарское общество и общество Татарстана, которые не отвечают ни одному из указанных критериев, с начала перестройки политически выражает себя с помощью принципа национализма, каким бы анахроничным он не казался нам по существу. Подъем различных типов национализма в бывшем СССР первоначально вызвал на Западе сильную реакцию отрицания. Радость народов, вновь обретших свои национальные символы, ощущалась в очень опосредованном виде, заставляя иногда говорить о "повторении истории", интерпретированном как регресс. Первые национальные татарские демонстрации скорее не пугали, а смешили (38). Но все-таки, что же действительно представляет собой то, что называют "возвращением национализма"?

НАЦИОНАЛИЗМ в Татарстане есть политический дискурс в гораздо большей мере, чем очевидная антропо-историческая реальность. Он выражает себя двумя способами: с одной стороны, подчеркиваются наследственный и исторический аспекты данного политического принципа, с другой — его непосредственный и утилитарный аспекты. Конечно, действия законных политических властей Татарстана могут быть истолкованы как тактика реакционного аппарата, любой ценой стремящегося удержаться у власти. Подобное введение, кажется, преобладает сегодня как в России (39), так и на Западе (40). Тем не менее оно нам представляется малоудовлетворительным. Прежде всего при таком подходе выделяется только национализм, присущий национальным движениям: его охотно ассоциируют с демократическим движением, продолжающим диссидентские течения, которые ориентировались на права человека. Однако реальность национальных движений не такова. С другой стороны, мало анализируется деятельность законных татарских властей; мы же попытались показать, что она тоже является выражением национализма, возможно волюнтаристского, но вполне реального. Оба типа национализма в Татарстане перекрещиваются и выполняют четкую политическую функцию: определение идентичности Татарстана и всех реальных и потенциальных татар в целом. К сожалению, мы мало знаем о татарском обществе диаспоры, роль которой могла бы быть центральной. Будущее политическое поведение этого общества покажет, какой из двух типов национализма более легитимен.

ОРИГИНАЛЬНОСТЬ географического положения татар когда-нибудь позволит выявить значение этнического и исторического факторов в подъеме разных типов политического национализма в бывшем СССР. Сегодня выразившие себя типы национализма, естественно, ищут социологическое основание. Таковым могла бы быть "высокая культура", обеспечивающая однородную экзосоциализацию сообщества. Если учесть общественное мнение Татарстана, то похоже, что определение данной "высокой культуры" явно проходит через отождествление экономической и социальной идентичности. Таким образом, антропо-историческая трактовка принципа национализма, согласно которой быстрое его развитие связано с необходимостью социальной рационализации в момент перехода общества от аграрной к индустриальной стадии (3), оказывается приспособленной к данному случаю. Конечно, Татарстан и вообще общество потенциальных и реальных татар есть структурно индустриальное. Но является ли оно таковым с позиции культуры? Индустриализация, не имевшая каких-либо этно-исторических корней и социальной поддержки, была проведена в СССР с помощью вроде бы рациональной "высокой культуры", но последняя не обеспечила явным образом экзосоциализацию советского сообщества. Приверженность населения к отвечающей его актуальным нуждам высокой культуре является, следовательно, главным в процессе индустриализации. В этом, вне сомнения, причина того, что до сегодняшнего дня национализм президента Шаймиева одерживает явную победу над обещаниями экономической реформы президента Ельцина.

ВЫШЕСКАЗАННОЕ могло бы подтвердить, что территориальный фактор экзосоциализации берет верх над культурным фактором. Политолог XXI в., наверное

будет иметь больше возможностей ответить на данный вопрос. Сегодня же представляется важным показать с помощью татарского примера сложность понятия национализма, равно как и две его стороны — социологическую и строго политическую. Они внешне противоречат друг другу, но, по сути — вполне взаимодополнительны, ибо не имеют иного выхода, как наслаиваться друг на друга. Поставленный именно таким образом вопрос об актуальности независимости Татарстана утрачивает свою неотложность. Впрочем, разве Татарстан, по образу и подобию России, никогда не самоопределялся, не прибегая к своей внешней роли?

Июль 1992 г

1. "Российская газета".
2. Malashenko A. L'Islam comme ferment des nationalismes en Russie. — "Le Monde diplomatique", 1992, mai.
3. Gellner E, Nation and Nationalisme. Oxford, 1893, p. 11.
4. Olson M. The Rise and Decline of Nations: an Anthropological Perspective. New Haven, 1982, p. 12.
5. Riasanovsky N. Histoire de la Russie. P., 1988, p. 79.
6. Мурамбеков М, История башкиров в древнейших временах. Уфа, 1969, с. 32.
7. Bennigsen-Broxup M. Volga Tatars. —In: The Nationalities Question in the Soviet Union. L., 1991, p. 278.
8. Карпов А. История советской этнографии. М., 1961, с. 218.
9. Seton Watson H. Nations and States. L., 1977, p. 302.
10. Bennigsen A., Quelquejey Ch. Les mouvements nationaux chez les Musulmans de Russie. P., 1960, p. 22.
11. Carrere d'Encausse H. Reforme et revolution chez les Musulmans de l'Empire russe. P., 1966, p. 117 et s.
12. Население Татарской ССР. Казань, 1991, с. 28.
13. Dictionary of Social Sciences and Humanities. Oxford, 1991, p. 123.
14. "Вечерняя Казань".
15. Статистические данные по татарской экономике и обществу даны по: Паспорт республики Татарстан. Казань, 1992 (неопубл. офиц. документ); см. также: Казахстан в цифрах. Алма-Ата, 1987; Сборник статистических материалов. Госкомстат СССР. М., 1989, с. 7.
16. Бусыгин Э., Столярова Г. Межнациональные браки: за или против. — "Комсомолец Татарии", 12. II. 1989.
17. Radvani J. L'URSS, regions et nations. P., 1990, p. 138.
18. "Экономика и жизнь".
19. Trofimov V., Khakulina J. The Standard of Living in Siberia compared with other Regions of the RSFSR. — "Soviet Sociology", 1991. №25, p. 17—34.
20. Balandier G. Sens et puissance, les dynamiques sociales. P., 1971, p. 105.

21. Silver B. The Status of National Minority Languages in Soviet Education: an Assessment of Recent Changes. — "Soviet Studies", 1974. №26—1, p. 28—41.

22. Clastres P. La societe contre l'Etat. P., 1974, p. 161.

23. "RFE/RL".

24. См. например: Исхаков Д. Взгляд на формирование нации. — "Социалистик Татарстан" (на татар, яз.), 15. Vm. 1989.

25. Общественное мнение в 1991 году. Центр социологических исследований при ВС Татарстана. Казань, 1992, с. 13.

26. Усманов Г. Наше будущее — в единстве. — "Советская Татария", 20. IX. 1989.

27. "Независимая газета".

28. "Известия".

29. Radvani J. Regions et pouvoirs regionaux en URSS. Contraintes spatiales et politique regionale. These de doctoral d'Etat. P. 1985.

30. Пчелинцев О. Переход к рынку: региональный аспект. — "Народный депутат", 1991, № 12, с. 52—58.

31. "Известия Татарстана".

32. Партия и парторганизация Татарии в зеркале общественного мнения и социологических исследований. Идеологический отдел Татарского обкома КПСС Казань, 1990.

33. О государственной власти в ТССР. Центр социологических исследований при ВС ТССР. Казань, 1991, июль.

34. Проект Конституции республики Татарстан. Казань, 1992 (не опублик.).

35. "Business Moscow News", 1992. №6.

36. "Коммерсант", 1991, № 16.

37. Шаймиев М. Взгляд в будущее. — "Казанские ведомости", 7. VII. 1992.

38. "Far Eastern Economic Review", 26. GX. 1990.

39. См. статьи В. Радзиевского, корреспондента "Московских новостей" в Волжско-Уральском и Западносибирском регионах.

40. Tatar sauce. — "The Economist", 7. IX. 1991.

* Все цитаты из источников на русском и татарском языках даны в обратном переводе с французского. — Прим. ред.